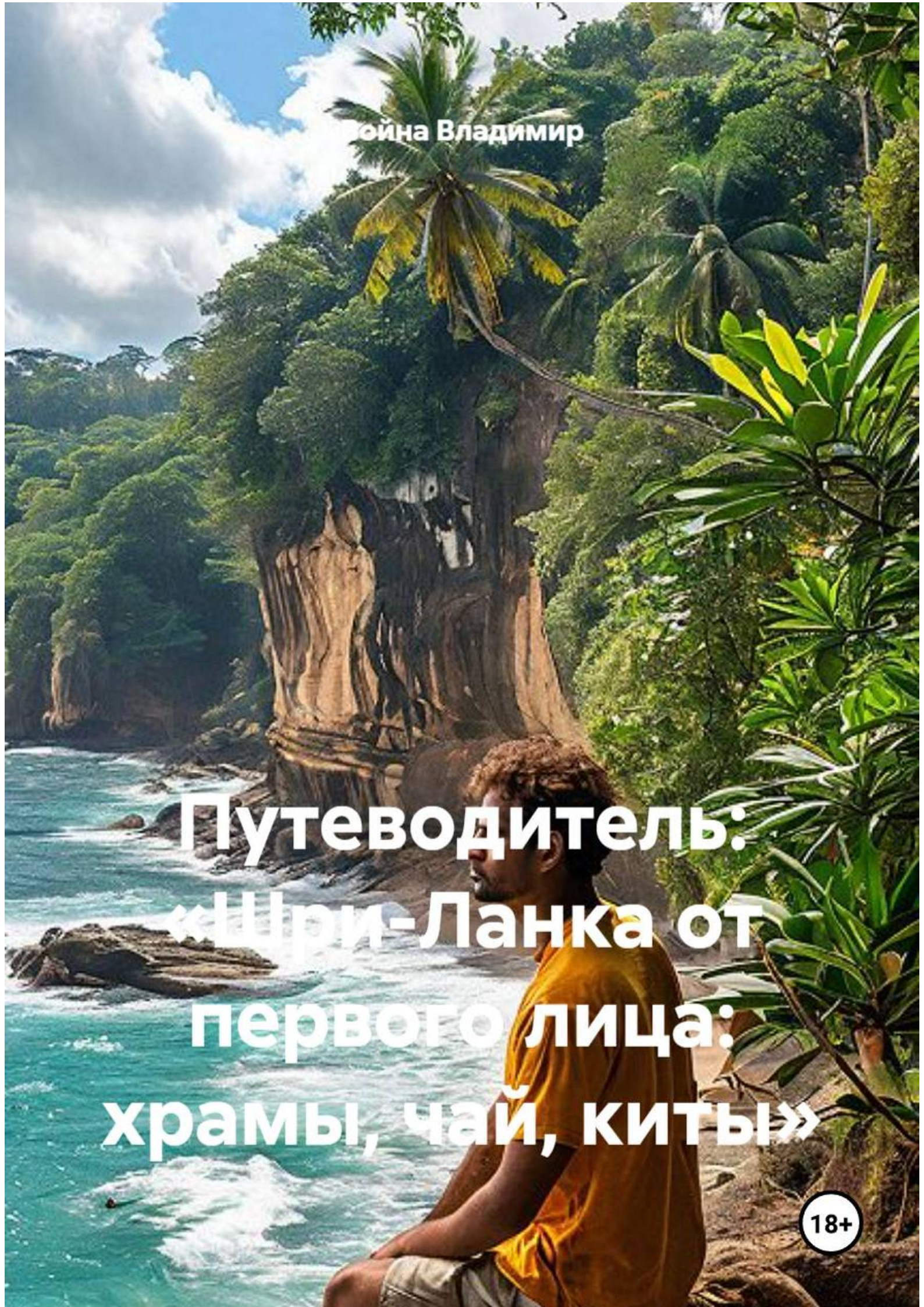

A man with curly hair, wearing a yellow t-shirt and light-colored shorts, is sitting on a rocky shore, looking out towards a tropical coastline. In the foreground, a large, hollowed-out tree trunk stands vertically. The background features a lush green forest with palm trees and a blue sky with white clouds. The ocean is visible with white waves crashing against the shore.

Война Владимир

**Путеводитель:
«Шри-Ланка от
первого лица:
храмы, чай, киты»**

18+

Война Владимир

**Путеводитель: «Шри-Ланка от
первого лица: храмы, чай, киты»**

«Автор»

2026

Владимир В. В.

Путеводитель: «Шри-Ланка от первого лица: храмы, чай, киты» /
В. В. Владимир — «Автор», 2026

О чём эта книга? О том, как московский житель, загнанный дедлайнами и выгоранием, однажды купил билет на Шри-Ланку — и пропал. Для прежней жизни. Он спускался в пещерные храмы Дамбуллы и стоял под деревом Бодхи, которому 2300 лет. Он кормил с руки дикую белку на секретном пляже и плавал с гигантскими черепахами. Он встретил леопарда в джунглях Ялы и синего кита в открытом океане. Он пил чай на плантациях Нувара-Элии и слушал, как старый гитарист поёт свою песню цунами. 20 глав. 20 остановок. Одна большая история о том, что рай — не точка на карте, а состояние души.

© Владимир В. В., 2026

© Автор, 2026

Война Владимир

Путеводитель: «Шри-Ланка от первого лица: храмы, чай, киты»

Введение

Серендип, или Искусство находить то, чего не ищешь

Дождь в Москве шёл третьи сутки. Не тот летний ливень, что звонко барабанит по карнизам и пахнет свежестью, а унылая ноябрьская морось — серая взвесь, стирающая краски мира. Я сидел в съёмной квартире на семнадцатом этаже, уткнувшись в ноутбук. Дедлайн горел, заказчик звонил каждый час, а я пялился в мигающий курсор и чувствовал, как внутри что-то медленно умирает.

Телефон завибрировал. Не заказчик — друг детства Лёха, который год назад исчез из соцсетей и, по слухам, где-то бродяжничал.

«Слушай, — прохрипел он в трубку, перекивая чей-то гудок и шум волн. — Ты сейчас сидишь и смотришь в стену, да? Бросай всё. Прилетай на Цейлон. Я тут такое нашёл... Это не остров, это чертов портал».

Я хмыкнул. Лёха всегда был склонен к гиперболам. Но что-то в его голосе — не восторг туриста, а спокойная уверенность человека, нашедшего клад, — заставило меня свернуть вкладку с рабочими письмами и открыть поиск авиабилетов.

Через неделю я стоял в аэропорту Бандаранаике в Коломбо. Кондиционированный холод самолёта остался где-то за турникетами. На меня обрушилась влажная тропическая ночь, густой запах кокосового масла, жжёного сахара и пряностей. Таксист в тюрбане, сверкая белозубой улыбкой, схватил мой чемодан. «Сэр, добро пожаловать на Шри-Ланку. Вы первый раз? О, вы будете плакать, когда улетать».

Я тогда посмеялся над этим пророчеством. А зря.

Всё самое важное в жизни происходит не по плану. Это я понял на четвёртый день путешествия, когда наш поезд застрял где-то в горах из-за оползня, и мы вынуждены были ночевать в забытой богом деревне, где старуха-сингалка руками собрала нам ужин из листьев карри и кокосового молока. Или когда я заблудился в джунглях Ялы и вышел к заброшенному храму, где каменный Будда улыбался, увитый лианами, а вокруг не было ни души.

Есть такое слово — серендип. Английское serendipity означает счастливую случайность, интуитивную прозорливость, умение находить чудеса там, где их не ждёшь. Мало кто знает, что корень у него — арабское название Цейлона: Серендиб. Именно этот остров подарил миру само понятие случайного счастья.

И вот теперь, сидя в вагоне поезда, который несётся сквозь чайные плантации, свесив босые ноги в открытый дверной проём, глядя на туман, клубящийся над изумрудными склонами, я понимаю: Лёха был прав. Это не остров. Это действительно портал.

Портал в мир, где обезьяны воруют твой завтрак прямо с тарелки, а ты смеёшься, а не злишься. Где поезд может опоздать на три часа, и это станет лучшим подарком судьбы. Где люди смотрят тебе в глаза, а не в экран смартфона.

Эта книга — не путеводитель. Это дневник моей души, которая проснулась. Я не расскажу вам, какой автобус ходит до Канди и сколько стоит вход в Храм Зуба Будды (хотя, конечно, расскажу и это — уж слишком практичный я человек). Я попробую передать вам запах жакаранды на рассвете, вкус настоящего цейлонского чая, заваренного на фабрике, где полы дрожат от столетних машин, и звук океана, который в Хиккадуве поёт иначе, чем в Мириссе.

Я продал телевизор. Отменил абонемент в спортзал. Разорвал токсичные отношения. И купил билет в один конец — чтобы написать эти двадцать глав. Каждая из них — шаг по земле, пропитанной легендами, кровью древних королей, слоновым топотом и шёпотом молитв.

Давайте сделаем этот шаг вместе. Добро пожаловать на остров Серендип.

Глава 1: Негомбо, или Там, где пахнет рыбой и свободой

Самолёт коснулся полосы в четыре часа пополудни. Пока мы рулили к терминалу, я прилип к иллюминатору: за стеклом, в мареве влажного зноя, колыхались пальмы. Не открыточные, а растрёпанные, лохматые — живые. Где-то за ними угадывался океан.

— Сэр, паспорт, — пограничник в безупречно белой рубашке лениво пролистал мои страницы. — Цель визита?

— Ищу то, чего не ищу, — вырвалось у меня.

Он поднял бровь, хмыкнул и шлёпнул штамп. Серендип принял первого паломника.

Запах

Аэропорт Бандаранаике — это шлюз. Кондиционированная стерильность самолёта заканчивается резко, будто кто-то распахнул невидимую дверь в другой мир. Первое, что ударяет в нос — запах. Густой, многослойный, ни на что не похожий. Кокосовое масло. Жжёный тростниковый сахар. Пряности — корица, кардамон, что-то ещё, чему я пока не знаю названия. И соль. Океанская соль, разъедающая губы.

У выхода меня ждал Лёха. Он похудел, загорел до цвета молочного шоколада и обзавёлся дурацкой панамой.

— Добро пожаловать в ад, — ухмыльнулся он. — Здесь всё не так, как ты привык. И это прекрасно.

Почему не в Коломбо?

— В столицу сразу нельзя, — заявил Лёха, закидывая мой чемодан в багажник раздолбанного «Тойота-Приус». — Там шум, смог, пробки. Если ты прилетел с московским выгоранием, тебе нужен буфер. Негомбо — это чистилище. Приятное.

Негомбо — рыбацкий городок в десяти километрах от аэропорта. На карте он выглядит скромно, почти незаметно. Но именно здесь, на узкой полоске между лагуной и океаном, начинается настоящая Шри-Ланка — без прикрас, без туристического глянца.

Голландский канал — первое, что я увидел из окна машины. Узкая водная артерия, обсаженная пальмами, с лодками, выкрашенными в синий и жёлтый. На борту одной из них старик в саронге чинил сеть, а рядом мальчишка лет семи мыл в канале ноги.

— Они здесь живут на воде, — пояснил Лёха. — В прямом смысле. Рождаются, женятся, умирают — всё в этих лодках. Католическая вера вперемешку с буддизмом. Представляешь? Молятся Деве Марии и подносят цветы Будде в одном и том же храме.

Рынок Леллама

На следующее утро, ещё затемно, Лёха растолкал меня:

— Вставай. Пойдём туда, где пахнет жизнью.

Рыбный рынок Леллама встретил нас рёвом толпы и чаячьим граем. Огромный навес из ржавого профнастила, под которым кипел первобытный хаос. Десятки лодок только что вернулись с ночного лова. Рыбаки в одних набедренных повязках, блестящие от пота и океанской воды, выгружали улов прямо на бетонный пол. Тунцы — гигантские, серебристо-синие, каждый размером с торпеду. Мачете взлетают и опускаются, разрубая туши на части. Кровь смешивается с талой ледяной крошкой и стекает в сточные желоба.

Я стоял, открыв рот, не в силах отвести взгляд от этого священнодействия. Никакой санобработки, никаких перчаток — только многовековая традиция, отточенная до автоматизма.

— Сэр! Сэр! — какой-то паренёк с дерзкой улыбкой протягивал мне огромную креветку, только что выловленную, ещё дёргающую хвостом. — Fifty rupees! Very fresh!

— Бери, — шепнул Лёха. — Это местный фастфуд. Съешь сырой, не отравишься, здесь вода чистая.

Я взял. Креветка была тёплой, упругой и пахла морем. Я зажмурился и откусил. Солёный, сладковатый, совершенно неземной вкус.

Вороны — огромные, наглые, с лоснящимся оперением — пикировали прямо к моим ногам, выхватывая рыбы потроха. Никто их не гнал. На Шри-Ланке к животным относятся с фаталистическим спокойствием: они здесь такие же полноправные жители, как люди.

Отель у океана

Лёха поселил меня в крошечный гестхаус «Icebear» прямо на пляже. Номер — пять на четыре метра, кровать с москитной сеткой, вентилятор под потолком и душ, в котором вода нагревается солнцем, а пахнет ржавчиной. Но из окна — океан.

Я вышел на берег. Индийский океан в Негомбо — не лазурная открытка с Мальдив. Он серый, тяжёлый, с мощным дыханием. Волны разбиваются о песок с глухим уханьем. Местные называют этот берег «диким»: здесь не купаются — здесь рыбачат и размышляют.

В сумерках на берег вышли катамараны. Узкие лодки с балансиrom, похожие на гигантских водомерок. Рыбаки ставили паруса из мешковины и уходили в открытый океан — на ночную охоту. Я сел на песок и смотрел, как оранжевые треугольники тают в сиреневой дымке горизонта.

Именно там, на пустом пляже, босиком, с солёными губами и гулом в ушах, я впервые за много месяцев никуда не спешил. Дедлайны, курьерские доставки, токсичные чаты — всё это осталось где-то в другой галактике. Здесь было только «сейчас». Только шум волн. Только ветер.

Ужин с историей

— Есть хочешь? — Лёха вынырнул из темноты с двумя бутылками местного пива «Lion».

Мы пошли в крошечную харчевню без названия, где на грязноватой витрине лежали горы морепродуктов: кальмары, лангусты, рыба-попугай, крабы с клешнями размером с мужскую ладонь.

Хозяйка — тётушка лет шестидесяти, в цветастом сари и с алой точкой бинди на лбу — вышла к нам лично.

— Вы туристы? — спросила она на ломаном английском. — Я вас накормлю, как своих сыновей.

И накормила. Джаффна-краб карри — краб, томлённый в кокосовом молоке с карри-листьями и специями, которые она перемалывает вручную каменной ступкой. Острый, обжигающий, но при этом нежный, с тонким ароматом пандана.

— Рецепт от моей бабки, — сказала тётушка, пододвигая тарелку риса. — Она пережила португальцев, голландцев и англичан. Все они хотели завоевать наш остров. Все они теперь — строчка в учебнике. А наш краб-карри — вот он, перед вами. Горячий. Так кто кого завоевал?

Мы ели руками, как учат местные, — смешивая рис с соусом, подхватывая подушечками пальцев. И это была лучшая трапеза в моей жизни.

Ночной разговор

Поздно вечером мы сидели на крыше гестхауса. Океан шумел где-то внизу, в темноте. Над головой — южное небо, совершенно незнакомое, усыпанное не нашими звёздами. Южный Крест, о котором я читал в детстве, висел низко над горизонтом.

— Знаешь, почему я тебя сюда вытащил? — спросил Лёха, затягиваясь местной сигаретой. — Не ради пляжей. И не ради слонов. Шри-Ланка — она... отрезвляет. Здесь всё просто. Рыба. Чай. Молитва. Ты просыпаешься — и понимаешь, чего на самом деле хочешь. Без офисной мишуры. Без чужих ожиданий.

Он замолчал, глядя на океан.

— Завтра поедем в Анурадхапуру. Готовься. Там ты вообще забудешь, как тебя зовут.

Я лёг спать под москитной сеткой. Вентилятор лениво вращал лопастями, гоняя влажный воздух. Где-то далеко лаяли собаки. Океан дышал.

И впервые за много лет я заснул без будильника.

Глава 2: Анурадхапура, или Город, где камни поют мантры

Дорога на север была долгой. Лёха вёл наш потрёпанный «Приус» сквозь утренний туман, лавируя между тук-туками, собаками и вездесущими велосипедистами с горами бананов на багажниках. За окном мелькали рисовые поля, залитые водой, похожие на бесконечные зеркала. В них отражалось небо — бледно-розовое, только что проснувшееся.

— Чувствуешь? — спросил Лёха, не отрывая глаз от дороги. — Воздух меняется. Там, на побережье, он солёный и влажный. А здесь — сухой, пряный, с пылью. Это воздух истории.

Я опустил стекло. В машину ворвался ветер, пахнувший сандалом и нагретой землёй. Мы въезжали в Культурный треугольник — сакральное сердце острова, где две с половиной тысячи лет назад зародилась сингальская цивилизация.

Первое касание

Анурадхапура — не просто город. Это колоссальный археологический парк, раскинувшийся на десятки квадратных километров. Четыре века до нашей эры здесь пульсировала столица великого царства, с дворцами, монастырями, бассейнами и садами. Теперь — лишь руины и ступы. Но какие руины...

На въезде нас остановил билетный контроль. Иностранец платит двадцать пять долларов — сумма ощутимая по местным меркам. Но я, честно скажу, ни разу не пожалел.

Первое, что я увидел, выйдя из машины, — ступа Руванвелисая. И я потерял дар речи.

Представьте себе: идеально белая полусфера, возвышающаяся над джунглями на пятьдесят пять метров. Она не просто большая — она подавляет. Её форма — математический расчёт древних монахов, воплощённый в кирпиче и штукатурке. Ни одного угла. Ни одной прямой линии. Только плавный изгиб, уходящий в небо.

Вокруг ступы — сотни паломников в белом. Белые саронги, белые блузы, белые зонтики. Они идут по кругу, босиком, по раскалённому камню, читая мантры. Губы шепчут «Саду! Саду! Саду!», а руки бережно несут цветы лотоса.

— Разувайся, — скомандовал Лёха.

Я снял сандалии и ступил на каменную платформу. Камень был обжигающе горячим, почти нестерпимым. Но странное дело: через несколько шагов боль ушла. То ли ступни привыкли, то ли сознание переключилось на что-то иное.

Стена слонов и каменная летопись

Ступу окружает стена, украшенная фигурами слонов — 338 голов, выстроившихся плечом к плечу. Каждая держит в хоботе цветок, а на морде — едва уловимая улыбка. Когда-то эти слоны были просто декоративным фризом. Но архитектор задумал гениальную вещь: слоновьи головы служат опорами для всей конструкции ступы. Красота и инженерный расчёт слиты воедино.

— Этих слонов реставрировали после того, как тамильские тигры взорвали ступу в восьмидесятых, — тихо сказал Лёха. — Представляешь? Древность, которой две тысячи лет, и современная война. Всё здесь переплетено.

Я провёл ладонью по каменному хоботу. Он был тёплым от солнца, будто живым.

Монах под деревом Бодхи

Мы двинулись дальше. Дорога петляла между прудов, заросших лилиями, мимо останков царских дворцов — от них остались лишь платформы и резные колонны, торчащие из земли, как сломанные зубы.

Но главное сокровище Анурадхапуры — не ступа и не дворец. Это дерево.

Шри Маха Бодхи — священная фикусовая смоковница, выращенная из отростка того самого дерева в индийской Бодх-Гайе, под которым принц Сиддхартха достиг просветления и

стал Буддой. Ему две тысячи триста лет. Это старейшее документированное дерево на планете, живой свидетель почти всей письменной истории человечества.

Я стоял перед ним и чувствовал себя песчинкой. Ветви, поддерживаемые золотыми подпорками, раскинулись широким шатром. Листья — сердцевидные, с тонкими прожилками — трепетали на ветру. Паломники сидели прямо на земле, молились, возлагали цветы к корням.

Ко мне подошёл монах. Худой, пожилой, в оранжевом одеянии, переброшенном через плечо. Глаза — глубокие и спокойные, как вода в древнем колодце.

— Ты издалека? — спросил он на хорошем английском.

— Из России.

— А, холодная страна. — Он улыбнулся. — Здесь, под этим деревом, время течёт иначе. Ты чувствуешь?

Я кивнул.

— В вашем мире люди носят часы на руке и всё равно опаздывают. А здесь, — он обвёл рукой пространство вокруг, — двадцать три века как один вздох. Будда говорил: «Не живите в прошлом, не мечтайте о будущем, сосредоточьте ум на настоящем мгновении». Это дерево — лучший учитель. Оно никуда не торопится. И посмотри, сколько всего оно пережило.

Он замолчал, погладил ствол ладонью и пошёл прочь, оставив меня в тишине.

Каменная луна и рисовые поля

Ближе к закату мы добрались до ещё одного чуда — дворца Махасены, точнее, до того, что от него осталось. Лунный камень — «Сандакада пахана», резной порог, который когда-то встречал гостей у входа. Полукруглая гранитная плита, покрытая тончайшей резьбой. Внешнее кольцо — языки пламени. За ним — вереница слонов, коней, львов и быков. Потом — цветочные гирлянды. И наконец, в центре — лотос.

— Это не просто декор, — пояснил Лёха. — Это карта буддийской космологии. Огонь — это страсти, что сжигают человека. Животные — четыре благородные истины. Лотос — нирвана. Когда ты ступаешь на этот камень, ты проходишь путь от хаоса к просветлению. Символично.

Я смотрел на эти узоры, вырезанные полторы тысячи лет назад, и думал: кто был тот мастер? Как его звали? Знал ли он, что его работа переживёт царства и империи?

Солнце клонилось к горизонту. Мы сидели у гигантского бассейна-купальни «Куттам Покуна», где когда-то плескались царские жёны, и ели бананы, купленные у придорожной старухи. Вода в бассейне была зеленоватой, неподвижной, и в ней отражались первые звёзды.

Полнолуние Пойя

А потом случилось то, что я не планировал.

Мы вернулись к ступе Руванвелисая затемно. И я понял, почему Лёха так настаивал именно на этом дне. Это была Пойя — полнолуние, священный день для буддистов.

Тысячи паломников заполнили площадь. Монахи в оранжевом выстроились процессией. Зажглись масляные лампы — тысячи огоньков, плывущих в темноте, как земные звёзды. Воздух наполнился ритмичным гулом: «Буддхам саранам гаччхами... Дхаммам саранам гаччхами...» — «Я ищу прибежища в Будде... Я ищу прибежища в Дхамме...»

Я стоял в толпе, и по моим щекам текли слёзы. Не от печали. Не от восторга. От какого-то странного, незнакомого мне чувства — будто какая-то шестерёнка внутри, которая долго была заклинена, вдруг повернулась.

В детстве меня учили, что религия — это свод правил и запретов. Здесь я впервые увидел веру не как страх, а как радость. Как свет. Как общее дыхание тысяч людей.

Лёха положил руку мне на плечо:

— Вот теперь ты начал понимать.

Ночёвка в гесте

Мы заночевали в крошечном гестхаусе на окраине города. Хозяин, пожилой сингал по имени Суман, угостил нас кирибатом — молочным рисом, который подают на праздники. Рис был сварен в кокосовом молоке с щепоткой соли, спрессован в квадратики и подан с острой луковой самбой.

— Сегодня святая ночь, — сказал Суман, наливая нам чай. — Вы выбрали правильный день. Когда я был мальчиком, мой отец приводил меня сюда на Пойю. Теперь я привожу внуков. Ничего не меняется. Ступа стояла, стоит и будет стоять.

За окном пели цикады. Где-то далеко бил барабан — ритуальный, монотонный, гипнотический.

Я лёг на жёсткий матрас, глядя в потолок, где бегал юркий геккон. В голове звучала мантра. «Саду... Саду... Саду...»

Монах под деревом Бодхи сказал правду. Время здесь течёт иначе. Я провёл в Анурадхапуре всего один день. Но каким-то непостижимым образом внутри уместилась вечность.

Глава 3: Михинтале, или 1840 ступеней к себе

Утро в Анурадхапуре началось с удара гонга. Низкий, вибрирующий звук плыл над джунглями, отражаясь от стен древних ступ. Было пять утра, и солнце только-только пробовало край неба на вкус — сперва розовым, потом мандариновым.

Суман, наш вчерашний хозяин, уже ждал у порога с подносом. Маленькие глиняные чашки с чаем — тем самым, цейлонским, который здесь заваривают до черноты, а потом разбавляют горячим молоком. И сладкие банановые оладьи, обжаренные в кокосовом масле.

— Сегодня вы пойдёте туда, откуда всё началось, — сказал он, глядя куда-то вдаль, за рисовые поля. — Михинтале. Это место силы. Не торопитесь там. Оно не любит, когда торопятся.

Я тогда не придавал значения этим словам. Подумаешь, гора. Подумаешь, ступеньки. За последние пару дней я уже успел насмотреться на ступы и храмы. Казалось, меня трудно чем-то удивить.

Господи, как же я ошибался.

Дорога и легенда

До Михинтале от Анурадхапуры — всего двенадцать километров. Но за эти двенадцать километров пейзаж меняется неуловимо. Джунгли становятся гуще, воздух — суше и прозрачнее. По обочинам бегут серые лангуры с чёрными мордами — длиннохвостые, грациозные, они прыгают с ветки на ветку, почти не шевеля листву.

— Смотри под ноги, — предупредил Лёха, когда мы припарковались у подножия. — Здесь любят греться змеи. Не наступи на хвост какой-нибудь кобре, а то получится не паломничество, а драма.

Подножие горы встретило нас суетой: ларьки с сувенирами, торговцы цветами лотоса для подношений, мальчишки, продающие воду в пластиковых бутылках. Я уже было подумал, что святость места разбилась о коммерцию. Но старый монах, сидевший у начала лестницы, поймал мой взгляд и покачал головой, будто прочитав мысли:

— Шум — только здесь. Дальше будет тишина.

Я разулся — таков обычай. Босые ступни коснулись гладкого, отполированного тысячами ног гранита, и началось восхождение.

Ступени

Тысяча восемьсот сорок. Я считал их — сначала из чистого любопытства, потом по привычке, а ближе к вершине — как мантру, которая помогала не думать о горящих икрах.

Первые ступени широкие и пологие. По бокам — каменные перила, за которые держатся пожилые паломники в белом. Одна из них, бабушка лет семидесяти, обгоняет меня с улыбкой. Ей не нужны перила. Ей не нужен отдых. Она идёт вверх так, будто каждый день ходит этой дорогой. И, возможно, так и есть.

На отметке примерно в двести ступеней меня атаковали обезьяны.

Точнее, одна конкретная обезьяна — крупный самец макаки, развалившийся поперёк лестницы, как хозяин жизни. В одной лапе он держал надкушенное манго, другой почёсывал пузо. Я попытался его обойти, но он издал резкий гортанный звук и оскалился.

— Он главный на этом пролёте, — рассмеялся Лёха. — Не спорь с местной властью. Дай подношение.

Я вспомнил про банан в кармане. Протянул. Макака брезгливо осмотрела подарок, взяла, понюхала и величественно отступила в сторону, освобождая проход. Взятка сработала.

Дальше пошло труднее. Ступени становились круче и уже, камень нагревался всё сильнее. В какой-то момент я перестал считать. Просто шагал, глядя под ноги, слушая собственное дыхание.

На середине пути — площадка с тенью. Здесь стоит заброшенная больничная палата — остатки древнего госпиталя, где монахи лечили больных травами и маслами. Каменное ложе для аюрведических процедур, выдолбленное в скале. Я провёл по нему ладонью: углубление повторяет форму человеческого тела. Кто лежал здесь тысячу лет назад? О чём думал, глядя в небо?

— Монахи верили, что тело и дух — одно, — сказал Лёха. — Нельзя лечить душу, не вылечив тело. Поэтому госпиталь на полпути. Отдохнул — и иди выше.

Встреча на вершине

Я не помню, на какой именно ступени кончились силы. Помню только, что воздух вдруг стал прохладнее, ветер ударил в лицо, и я поднял глаза.

Я стоял на вершине. Передо мной расстилались джунгли — бескрайнее зелёное море, убегаящее к самому горизонту. Белые купола ступ Анурадхапуры, оставшиеся далеко внизу, казались крошечными жемчужинами. Небо над головой было огромным, бездонным, и в нём кружили орлы.

Центральная площадка Михинтале — это скальное плато, на котором теснятся несколько священных объектов. Главный из них — ступа Амбастхала, белая, сияющая под солнцем. Рядом — огромный белый Будда, сидящий в позе лотоса и глядящий на восток, туда, откуда встаёт солнце.

Но меня потянуло не к нему. Меня потянуло к краю.

На самом обрыве стоит каменная плита, огороженная низкой решёткой. Это — то самое место. Место встречи.

История — вернее, легенда, которая здесь считается абсолютной правдой — гласит следующее. В третьем веке до нашей эры царь Деванампия Тисса охотился в этих лесах. Он преследовал оленя, когда вдруг на вершине горы увидел человека в оранжевых одеждах. Это был Махинда — сын великого индийского императора Ашоки, буддийский монах, который прибыл на остров с миссией.

— Остановись, царь, — сказал Махинда. — Зачем ты убиваешь невинное существо?

Царь замер. Никто никогда не говорил с ним так. Никто не смел приказывать ему остановиться.

С этого разговора началась история буддизма на Шри-Ланке. Целый народ принял новую веру не через насилие, а через диалог — разговор на вершине горы, под открытым небом.

Я стоял на этом самом месте. Пытался представить: вот стоит царь в пышных одеждах, с луком в руке. Вот стоит монах — босой, безоружный. Два мира встретились на этом камне. И один из них изменился навсегда.

Диагностика души

На обратном пути, уже спускаясь вниз, я поймал себя на странной мысли: подъём на Михинтале — это диагностика. Твоё тело и твой дух проходят проверку.

Если ты поднимаешься в гневе, злясь на жару и усталость, — ты не готов к тишине.

Если ты летишь наверх, ни на что не отвлекаясь, — ты пропускаешь путь ради цели.

Если ты останавливаешься, дышишь, смотришь на обезьян, на древние камни, на старуху, что обгоняет тебя с улыбкой, — тогда ты что-то начинаешь понимать.

У подножия меня ждал тот самый старый монах, который утром обещал тишину.

— Ну что, нашёл что-нибудь? — спросил он.

Я задумался. Что я нашёл? Виды? Историю? Усталость?

— Я нашёл... спокойствие, — сказал я. — Но не знаю, надолго ли.

Монах рассмеялся — легко, по-детски.

— Спокойствие — не вещь, которую можно найти и положить в карман. Это умение. Тренируйся. Вот тебе домашнее задание.

— Какое?

— Когда вернёшься в свою холодную страну, найди там свою гору. Может, это будет лестница в твоём доме. Может, скамейка в парке. Поднимайся туда каждый день. Не быстро. Не медленно. Просто поднимайся. И слушай.

Он коснулся моего плеча лёгкой, почти невесомой ладонью и ушёл.

Закат на рисовых полях

Вечером мы сидели в маленькой закуской на окраине Анурадхапуры. Перед нами дымились тарелки с котту — это такое сингальское блюдо: рубленый роти, обжаренный с овощами, яйцом и специями на огромной металлической сковороде. Два повара ритмично стучали ножами по жаровне, создавая тот самый характерный перестук, ради которого туристы снимают видео.

Солнце садилось за рисовыми полями. Небо окрасилось в фиолетовый и оранжевый. Цапли, белые как свежавывающий снег, медленно летели куда-то на юг.

Я думал о царе и монахе. О том, как один разговор на вершине горы изменил судьбу целой страны. О том, сколько таких разговоров я пропустил в своей жизни — занятый, спешащий, вечно глядящий в телефон.

Лёха потянулся и зевнул:

— Завтра едем в Сигирию. Готовь мышцы. Там будет не 1840 ступеней, но кое-что покруче. Львиная скала, брат. Вертикальный дворец безумного короля.

Я кивнул. В икрах ещё гудела усталость. Но внутри — внутри впервые за долгое время — было тихо.

Глава 4: Сигирия, или Вертикальный дворец безумного короля

Мы выехали затемно. Не потому, что я такой дисциплинированный путешественник — просто Лёха сказал: «Если хочешь увидеть Сигирию, а не толпу китайских туристов с селфи-палками, будь у подножия в шесть утра». И вот, в пять пятнадцать, наш верный «Приус» уже пылил по просёлочной дороге, а фары выхватывали из темноты силуэты спящих слоновьих деревень и одиноких ступ.

В какой-то момент Лёха тронул меня за плечо и молча указал вперёд.

На горизонте, ещё смутная в предрассветной дымке, поднималась скала. Она не была похожа на гору. Она была похожа на гигантский каменный кулак, который пробил земную кору и застыл в вечном вызове небу. Двести метров в высоту. Отвесные стены. И — как я позже узнал — королевский дворец на самой макушке.

— Львиная скала, — прошептал Лёха с каким-то почти религиозным придыханием. — Место, где безумие стало архитектурой.

Легенда о Кассапе

Прежде чем вести вас наверх, я должен рассказать историю. Без неё Сигирия — просто красивая скала с руинами. С ней — шекспировская драма, замёрзшая в камне.

Представьте себе: V век нашей эры. Царь Дхатусена правит Анурадхапурой. У него два сына. Старший, Кассапа, — от наложницы, младший, Моггаллана, — от законной жены. По всем законам трон должен отойти младшему. Но Кассапа не из тех, кто смиряется с судьбой.

Однажды ночью он совершает государственный переворот. Схватывает отца, заковывает в цепи и требует: «Скажи, где государственная казна?» Старый царь смотрит на сына с презрением и говорит: «Отведи меня к озеру Калавэва. Там я покажу».

Кассапа ведёт отца к огромному водохранилищу, которое тот построил для своего народа. Старый царь останавливается у воды, поднимает скованные руки к небу и говорит: «Вот вся моя казна. Вода. Рис. Жизнь моих подданных. Больше у меня ничего нет».

Кассапа в ярости приказывает замуровать отца заживо в стену той самой дамбы.

Моггаллана, младший брат, бежит в Индию. Он клянётся вернуться и отомстить. Кассапа знает это. Каждую ночь ему снится отец, стоящий у озера. Каждое утро он просыпается в холодном поту.

И тогда он принимает решение. Он построит дворец, до которого не доберётся ни один враг. Непрístupную цитадель на вершине скалы. Он окружит себя фресками небесных дев, которые будут напоминать ему о красоте, а не о крови. Он спрячется от возмездия на высоте двухсот метров. Буквально и метафорически.

Вот что такое Сигирия.

Подъём

Мы подошли к подножию, когда первые лучи солнца тронули верхушку скалы. Камень загорелся золотом. Перед нами расстились «сады удовольствий» — сложнейшая система фонтанов, бассейнов и оросительных каналов, построенная полторы тысячи лет назад. И, представьте себе, некоторые фонтаны до сих пор работают. В сезон дождей вода по тем же самым терракотовым трубам поднимается и бьёт струями из пастей каменных драконов.

— Полторы тысячи лет, — прошептал я, глядя на ржавые трубы. — У нас в квартире смеситель меняют раз в три года.

— Приоритеты, — хмыкнул Лёха. — У них не было Netflix. Зато были гениальные инженеры.

Дальше началась Львиная лестница. Вернее, то, что от неё осталось.

Представьте себе: между двух гигантских скальных выступов зажата лестница. А перед ней, охраняя вход, стоял колоссальный лев, высеченный прямо из скалы. Высота — четырнадцать метров. Входящий должен был пройти между львиных лап, через открытую пасть зверя. Символика простая: ты вступаешь в логово хищника. Твоя жизнь — в лапах царя.

Сейчас от льва остались только две передние лапы. По размеру — со средний экскаватор, каждая. Когти величиной с мою голову. Я стоял между этих лап и чувствовал себя мышью. Что же чувствовали послы и придворные, когда шли на аудиенцию к Кассапе?

— Кирпичная кладка на вершине — это уже не лев, — сказал Лёха. — Это это Кассапы. Он хотел, чтобы каждый, кто поднимается, уже на полпути обделался от страха. Гениальный психолог.

Зеркальная стена и Небесные девы

Дальше началась «Зеркальная стена» — участок скалы, отполированный до такого блеска, что в нём можно было видеть собственное отражение. Когда-то здесь проходили царь и его свита, и стена отражала их во всём великолепии.

Но самое удивительное — не сама стена, а то, что на ней написано. Граффити. Сотни, тысячи надписей, процарапанных паломниками и путешественниками, которые приходили сюда уже после падения Кассапы. Самая ранняя датируется шестым веком.

Я разобрал несколько строк, записанных древним сингальским шрифтом. Одна гласила примерно следующее (перевод я нашёл в путеводителе): «Я, монах из Келании, стоял здесь и смотрел на этих женщин. Они прекрасны. Но сердце моё спокойно. Почти».

— Почти, — усмехнулся Лёха. — Честный монах.

А потом мы дошли до фресок. Тех самых, ради которых я, честно говоря, и затеял этот подъём.

В нише, защищённой от дождей скальным козырьком, сохранились росписи. Двадцать одна женская фигура — «Облачные нимфы», апсары. По пояс, обнажённые, с украшениями из золота и цветов. Кожа золотистая, волосы убраны в сложные причёски. Грудь полная, запястья тонкие, пальцы держат цветы лотоса.

И вот что меня поразило: они живые. Прошло полторы тысячи лет, а краски всё ещё светятся — охра, лазурит, киноварь. Глаза смотрят прямо на тебя. С вызовом. С нежностью. С какой-то тайной, которую невозможно разгадать.

Кто они? Есть две версии. Первая — это небесные танцовщицы, услаждающие взор царя. Вторая — это женщины из гарема Кассапы, которых он приказал изобразить, чтобы они вечно оставались молодыми. А может, это сам остров Ланка, принявший женский облик — прекрасный, плодородный, вечный.

Я стоял на винтовой лестнице, прилепленной к скале, на высоте ста метров, и не мог оторвать взгляд. Одна из нимф смотрела прямо на меня. Уголки губ чуть приподняты — не улыбка, но намёк на неё. Казалось, она знает что-то, чего не знаю я. Что-то важное. Что-то, что Кассапа пытался унести с собой в могилу.

Вершина

Последний отрезок подъёма — самый страшный. Узкие металлические ступени, прикрученные прямо к отвесной скале. Перила есть, но ощущение, что ты висишь в пустоте, не покидает ни на секунду.

А потом — вершина.

Я вышел на плато и замер.

То, что Кассапа построил здесь, на высоте двухсот метров, не укладывается в голове. Огромный дворец. Бассейн, вырубленный прямо в скале. Сады с землёй, которую рабы поднимали снизу на собственных спинах. Тронный зал, от которого осталась каменная платформа — но какая!

Я сел на царский трон. Точнее, на то, что от него осталось — каменную скамью с подлокотниками, обращённую на восток. Внизу расстиались джунгли — бесконечный зелёный ковёр, с редкими пятнами озёр и рисовых полей. На горизонте синели горы.

— Представь, — сказал Лёха, садясь рядом. — Каждое утро Кассапа просыпался здесь. Выходил на край. Смотрел на свою империю. И каждое утро видел дорогу на севере — ту, по которой должен прийти брат. Как ты думаешь, сколько лет можно прожить в раю, зная, что ад уже в пути?

Я промолчал. Ветер свистел в ушах. Где-то далеко внизу кричали павлины.

Финал трагедии

Месть пришла через восемнадцать лет. Моггаллана вернулся из Индии с армией. Кассапа спустился со своей неприступной скалы на боевом слоне, чтобы дать сражение внизу, на равнине.

И вот тут — легенда, которая добивает окончательно. В разгар битвы слон Кассапы испугался и повернул назад. Армия решила, что царь бежит, и рассыпалась. Кассапа, оставшись один, сошёл со слона, вынул меч и перерезал себе горло.

Самоубийство. На глазах у армии. На поле, которое было видно с вершины его неприступной крепости.

Дворец опустел. Монахи превратили его в монастырь. Потом ушли и монахи. Джунгли поглотили вершину на тысячу лет. И только в XIX веке британский археолог, прорубаясь сквозь лианы, наткнулся на лавинные лапы и понял: здесь была цивилизация.

Спуск

Мы спускались молча. У подножия я купил у мальчика свежий кокос за пятьдесят рупий. Мальчик ловко срубил верхушку мачете и протянул мне орех с соломинкой. Вода была сладкой и ледяной, хотя кокос лежал на солнцепёке. Магия экватора.

— Ну что, как тебе царь Кассапа? — спросил Лёха.

— Я его понимаю, — сказал я. — Он построил дворец на вершине мира, чтобы убежать от себя. Но себя не обманешь. Даже на высоте двести метров.

Лёха кивнул, и мы пошли к машине.

На заднем сиденье я нашёл упаковку печенья, которую забыл утром. Надпись на обёртке гласила: «Best Before: 18.06.2024». Лучше употребить до. У всего есть срок годности. У печенья. У дворцов. У царей. Только скала остаётся.

В зеркале заднего вида Сигирия уменьшалась, превращаясь из львиного кулака в просто камень на горизонте. Я смотрел на неё и думал о нимфе, которая улыбалась мне одними уголками губ.

Что ты знаешь, прекрасная? Что ты хотела мне сказать?

Глава 5: Дамбулла, или Пещеры, где спят Будды

От Сигирии до Дамбуллы — двадцать минут езды. Но за эти двадцать минут мир снова переменялся. Исчезли джунгли, уступив место сухим саваннам с редкими баобабоподобными деревьями. Воздух стал гуще, тяжелее, будто сам готовился к встрече с чем-то древним.

Дамбулла видна издали. Это не скала, а скорее гигантский каменный нарост, вспухший над равниной на сто шестьдесят метров. Издали он напоминает спину спящего кита — тёмно-серую, морщинистую, покрытую редкой щетиной кустарника.

— Внутри этого кита — храм, — сказал Лёха, паркуясь у подножия. — Пять пещер. Сто пятьдесят три статуи Будды. Три короля. Один бог Вишну. И потолок, который никто не может сосчитать.

— В смысле — не может сосчитать?

— Увидишь.

Подъём

В отличие от Сигирии, подъём здесь пологий, почти ласковый. Широкая лестница, выложенная камнем, вьётся по склону среди зарослей франжипани. Белые цветы с жёлтой сердцевинкой падают прямо на ступени, и воздух напоён их сладким, почти приторным ароматом.

Обезьян здесь ещё больше, чем в Михинтале. Целые банды серых лангуров скачут по перилам, вырывая друг у друга цветы и что-то деловито жуя. Одна самка с детёнышем на спине сидела прямо на указателе «К пещерам» и смотрела на меня с выражением величайшего презрения.

— Привыкай, — бросил Лёха. — Обезьяны — это такие пушистые контролёры. Проверяют твоё смирение. Если начнёшь злиться, считай, экзамен провален.

На полпути открылась смотровая площадка. Я замер. Внизу, на равнине, возвышалась гигантская золотая статуя Будды — современная, тридцать метров в высоту, ослепительно сияющая под солнцем. А за ней, у подножия скалы, раскинулся действующий монастырь с белыми ступами и оранжевыми флагами.

— Это нижний храм, — пояснил Лёха. — Новодел, туристический магнит. Настоящее — наверху.

И мы пошли выше.

Золотой храм и его порог

У входа в пещеры — белоснежная аркада с колоннами, построенная уже в XVIII веке. Перед входом — каменная курильница, из которой поднимается густой белый дым. Запах — смесь сандала, жасмина и чего-то терпкого, незнакомого. Паломники окунают лица в этот дым, вдыхая благословение.

Я разулся (снова!) и оставил сандалии у входа вместе с сотнями других. Протянул билету двадцать долларов — вход для иностранцев платный, но кого это волнует, когда ты стоишь на пороге двухтысячелетней истории.

Первое, что я почувствовал, войдя внутрь — прохлада. Она обрушилась на меня, как благословение после полуденного зноя. И темнота. Не крошечная, а бархатная, смягчённая редкими масляными лампами и лучами солнца, пробивающимися сквозь щели в скальном карнизе.

Пять пещер вырублены прямо в скале под гигантским естественным козырьком. Представьте: природа создала гигантский каменный навес, а люди превратили пространство под ним в святилище. Дождь не попадает сюда две тысячи лет. Солнце не выжигает краски. Время здесь течёт не как снаружи — медленнее, осторожнее, почти застывая.

Пещера первая: Сонный гигант

В первой пещере я чуть не вскрикнул.

Из полумрака на меня надвигался Будда. Огромный, четырнадцатиметровый, лежащий на правом боку. Это «паринирвана» — поза окончательного освобождения, момент, когда Будда покинул земное тело и ушёл в вечность.

Голова покоится на подушке-свёртке. Глаза полузакрыты. Босые ступни — одна на другой — огромны, размером с обеденный стол, и раскрашены узорами лотосов. Выражение лица — не смерть, а глубочайший покой. Так спит человек, которому больше ничего не нужно. Который нашёл то, что искал, и теперь может отдохнуть.

— Этому Будде больше тысячи лет, — прошептал Лёха. — Но видишь позолоту? Её обновляют каждые несколько лет. Монахи заходят сюда с кисточками и сусальным золотом. Традиция не прерывалась.

У изголовья стоял монах — совсем юный, лет пятнадцати, в оранжевом одеянии. Он молча зажигал масляные лампы, одну за другой, и в их дрожащем свете лицо Будды, казалось, меняло выражение. То улыбалось. То становилось строгим. То уходило в тень, пряча какую-то тайну.

Пещера вторая: Зал королей

Вторая пещера — самая большая и самая ошеломляющая. Она называется Махараджа-лена, «Пещера великих царей». Здесь, в полумраке, стоят пятьдесят шесть статуй — Будды, бодхисаттвы, боги, цари.

Я вошёл и замер, не зная, куда смотреть.

Прямо передо мной — ряд стоящих Будд с поднятыми в благословляющем жесте правыми руками. У каждого — своё выражение лица, свои пропорции, свой поворот головы. Рядом — сидящий Будда в позе медитации, окружённый учениками. Дальше — статуи королей: Валагамба, который основал храм в I веке до нашей эры в благодарность за убежище (он прятался в этих пещерах от южноиндийских захватчиков), и Ниссанкамалла, который в XII веке покрыл статуи золотом.

Но самое поразительное — потолок.

Я поднял голову и ахнул. Весь свод пещеры — а это примерно сорок метров в длину — покрыт росписями. Сцены из жизни Будды: рождение, просветление под деревом Бодхи, первая проповедь, уход в нирвану. Тысячи крошечных фигурок, выполненных темперой по сырой штукатурке. Краски — охра, лазурит, малахитовая зелень, киноварь — переливаются в свете ламп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.